ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 99.2.042.02, созданного на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____
решение диссертационного совета от 14.10.2026 г. № 41

О присуждении **Фролову Роману Михайловичу**,
гражданину Российской Федерации,
ученой степени доктора исторических наук

Диссертация «Между privati и magistratus: граждане переходных статусов в политической жизни Римской республики» по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки) принята к защите 14.05.2026 г., протокол № 12 диссертационным советом 99.2.042.02, созданным на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования и науки Российской Федерации, 603905, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39. Совет утвержден приказом Минобрнауки РФ от 1 марта 2017 г. № 149/нк.

Соискатель Фролов Роман Михайлович, 1988 года рождения, в 2010 г. окончил обучение на историческом факультете Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова по специальности

«История» (диплом с отличием ВСА 0953541).

В 2010 г. поступил в аспирантуру исторического факультета ЯрГУ им. П.Г. Демидова. В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (древний мир). Тема диссертации: «Contiones в публично-правовой системе и политической жизни Римской республики» (научный руководитель – проф., д.и.н. В.В. Дементьева). Диплом кандидата наук ДКН № 191025 (Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 527/нк).

Работает в должности декана исторического факультета, доцента кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль). Дисциплины, читаемые для студентов бакалавриата, магистрантов и аспирантов: «История Древнего мира», «Разработка и применение комплексов электронных информационных ресурсов по историческим наукам», «Латинский язык», «Исследовательский семинар: Латинский язык и латинские источники» и др.

Диссертация выполнена на кафедре всеобщей истории исторического факультета и в Научно-образовательном центре антиковедения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

Научный консультант – Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, руководитель Научно-образовательного центра антиковедения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

Официальные оппоненты:

Парфёнов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Церковной истории Саратовской православной духовной семинарии,

Сморчков Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор

кафедры истории древнего мира Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»,

Абрамзон Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, директор НИИ исторической антропологии и филологии, профессор кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»,

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» в своем положительном заключении, составленном доктором исторических наук, заведующим кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Сапрыкиным Сергеем Юрьевичем и кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Бугаевой Натальей Владимировной, отмечает, что докторская диссертация Р.М. Фролова выполнена на высоком уровне, является самостоятельной и оригинальной работой, содержит оригинальную авторскую концепцию и важные выводы. Авторы отзыва указывают на скрупулезность соискателя при анализе информации в сочетании с хорошим знанием реалий эпохи и блестящим владением научной литературой. В качестве дополнительных достоинств отмечается составление двух официально зарегистрированных баз данных. Работа характеризуется широкой апробацией в публикациях автора (в общей сложности 36 работ). Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертационного исследования Р.М. Фролова, которое отвечает всем необходимым требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, в соответствии с пп. 9–

14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842. Соискатель Фролов Роман Михайлович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Заключение ведущей организации содержит следующие замечания:

1. Находясь «в условиях недостатка специальных исследований, посвященных феномену инициативы в политике (за исключением многочисленных политологических работ, изучающих “инициативы” в <...> конкретном значении отдельные “(законо)проекты” или “общественные движения”» (с. 75), диссертант активно обращается к наследию весьма популярной на данный момент Х. Арендт. Признавая целесообразность и плодотворность политологического подхода, а также рассмотрения сообщений источников через призму политической инициативы, нельзя не заметить, что чрезмерный акцент на творчестве Арендт едва ли оправдан: научная значимость мыслительницы излишне переоценена в силу целого комплекса факторов (ср.: с. 75–76).

2. Ситуация 510/509 гг. до н.э. трактована Р.М. Фроловым более убедительно, чем 451–449 гг. до н.э. Была предложена иная логика для текста Ливия, в основе которой – неформальное лидерство и контроль над инициативой при однозначном признании децемвиров privati. Однако перенос в данном конкретном случае фокуса с утраты формальных магистратских прерогатив на потерю неформальной политической инициативы создает невольное впечатление ухода от ответа. Р.М. Фролов сознательно переводит проблему в иную плоскость, давая понять, что в новом ракурсе рассмотрения вопрос о легитимности не важен. С подобным посылом все-таки трудно согласиться, и итоговую картину нельзя назвать непротиворечивой. В определенной степени это следствие двуединства (с. 25, ср.: 9–10) поставленной цели и весьма сложной структуры диссертации, которая сочетает хронологический (от Л. Юния Брута до Октавиана), тематический (privati, десигнаты, временно отстраненные от должности, промагистраты, вторые триумвиры) принципы, а также характеризуется

переплетением источниковедческих и собственно исторических аспектов. Указанная сложность, с одной стороны, обеспечивает многогранность, с другой – иногда способствует нарушению баланса и создает впечатление, что одни сюжеты/аспекты избыточно акцентированы, а другие отведены на второй план. В частности, 4 глава производит благоприятное впечатление и сделанные в ней выводы, безусловно, важны и убедительны. Однако она имеет потенциал для улучшения. Глава чрезмерно детализирована; отдельные сюжеты поданы неоправданно подробно. Особые вопросы вызывает § 5.3 «Лукан и республиканские проконсулы: историческая память о промагистратах в период гражданской войны» (с. 711–732). Тщательно анализируемый источниковедческий сюжет «разрывает» общую логику, тем более что Р.М. Фролов уже достаточно полно охарактеризовал специфику сообщения Лукана (с. 698–700). Не совсем удачно интегрирован в текст § 5.4 «[A]d urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet: Цицерон о Марке Антонии в 44–43 гг.» (с. 732–742). Можно предположить, что в определенной степени это обусловлено двойной целью исследования, ее неотъемлемыми атрибутами и изначально заложенными рисками. Главный вопрос вызывает не стилистика, а «конструкторское решение» относительно структуры и выбранная степень детализирования. Нельзя отказаться от впечатления, что диссертант излишне дробит структуру своего исследования, не всегда оптимально выбирая уровень генерализации. Иногда избыточно уделяемое отдельным эпизодам внимание (самый яркий случай – § 5.3 в главе 4), иногда имеет место «несовпадение ожиданий», когда традиционно задумываемые как очень концентрированные, несущие большую смысловую нагрузке части (например, введение) содержат детальную информацию о частном случае.

3. Диссертация только выиграла бы, если автор использовал бы слово «тезис» не столь часто. Есть принципиальная разница между тезисом (который выдвинут и далее ищутся подтверждающие сведения) и гипотезой (которая гибка, допускает корректировку, в рамках которой рассматриваются все имеющиеся факты). Р.М. Фролов иногда употребляет последний термин (с. 27; ср.:

107) или словосочетание «исследовательская реконструкция» (с. 48), однако «тезис» доминирует (с. 69, 82, 100, 140; ср.: 32, 48–49, 56, 181, 199).

4. Огромные примечания снижают впечатление от любой научно-исследовательской работы, равно как и объемный текст на иностранном языке (и при наличии перевода, и в особенности без него).

5. Освещающая одну из самых важных переломных ситуаций в римской истории пятая глава (в совокупности с предшествующей) выполняет свою важную функцию. Однако в § 2 «От magistratus к privatus: публично-правовое положение Октавиана в 32 г.» непропорционально большое место отведено изложению обширной научной дискуссии о сроке завершения триумвирата; было бы желательно, чтобы диссертант более четко подвел итоги своей полемики с предшественниками. В целом глава 5 в излишней степени основана на тщательном разборе концепций современных ученых в ущерб анализу источниковой базы. В защиту диссертанта, однако, следует констатировать, что он идет в русле тенденции, крайне влиятельной в современном антиковедении: при объективной ограниченности источниковой базы (невзирая на постоянно вводимые в оборот надписи и монеты, данные археологических раскопок, новые методы изучения), на которую «наросла», кое-где подавила (а порой задавила) многократно превышающая по объему традиция комментирования и изучения. При согласии с выводами Р.М. Фролова целесообразно напомнить о достоинствах построения исследования по классическому принципу «от источника».

Соискатель подготовил по теме диссертации четыре главы в коллективных монографиях (с общим объемом авторской части 6,5 п.л.), опубликованные в ведущих научных издательствах, 16 статей, опубликованных в ведущих российских рецензируемых журналах из Перечня ВАК, а также 11 англоязычных статей в ведущих мировых журналах, индексируемых в международных базах, и 5 публикаций в прочих изданиях. Общий объем статей 36,9 п.л.

Недостоверные сведения в списке опубликованных соискателем ученой степени работ, в которых отражены основные научные результаты диссертации Фролова Р.М., отсутствуют; неправомерные

заимствования в тексте диссертации отсутствуют.

Перечень наиболее важных работ, в т.ч. опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и приравненных к ним зарубежным изданиям:

I. Главы монографий:

1. Frolov R.M. The ‘Wrong’ Meetings? Some Notes on the Linked Usage of the Terms *coetus* and *contiones* in the Political Language of the Roman Republic // Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision / Ed. H. Van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 236–251.

2. Frolov R.M. Introduction // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 1–35.

3. Frolov R.M. Seizing Initiative in the Sphere *domi*: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE // Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome / Ed. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 323–347.

4. Frolov R.M. *Privatus* or *tribunus celerum*? The Myth of Lucius Brutus and the Political Role of Private Individuals // Myth and History in the Historiography of Early Rome / Ed. T. Cornell, N. Meunier, D. Miano. Leiden; Boston: Brill, 2023. P. 122–139.

II. Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК:

1. Фролов Р.М. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. XIV, 313 p. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4. С. 264–277.

2. Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 63–88.

3. Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики // Проблемы истории, филологии, культуры.

2011. № 2. С. 3–18.

4. Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения несанкционированных собраний в Риме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 12–19.

5. Фролов Р.М. Возможности использования базы данных о проведении римских contiones // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 32–36.

6. Фролов Р.М. Гражданские contiones в Римской империи начала III в. н.э. и testamentum comitiis calatis в раннем Риме // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 8 (16). URL: https://history.jes.su/s207987840000458-2-1/

7. Фролов Р.М. Coetus как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 26–32.

8. Фролов Р.М. [Рецензия на:] Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome / Ed. by C. Steel, H. van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. XI, 401 p. // Вестник древней истории. 2014. № 3 (290). С. 204–213.

9. Фролов Р.М. Судебное преследование magistratus designati: к вопросу о правовом статусе избранных магистратов Римской Республики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 30–37.

10. Фролов Р.М. Ab re publica removere: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 919–937.

11. Фролов Р.М. «Отстранять от управления государственными делами» (administratione rei publicae summovere): к анализу политической терминологии Римской Республики // Вестник Нижегородского университета

им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 101–109.

12. Фролов Р.М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 142–150.

13. Фролов Р.М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н.э.? // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2(52). С. 18–25.

14. Фролов Р.М. Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. до н.э. (Plut. *Sull*. 8. 8) // Вестник древней истории. 2021. Т. 81. № 1. С. 116–134.

15. Фролов Р.М. Ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet: Цицерон о присутствии проконсула Антония у города Рима в 43 г. до н.э. (Phil. 3.27; 5.21–22) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2 (64). С. 190–197.

16. Фролов Р.М. Никаких ограничений? Интерпретация триумвирата rei publicae constituendae как магистратуры ad tempus incertum // Вестник древней истории. 2024. Т. 84. № 4. С. 975–997.

III. Публикации в зарубежных изданиях, индексируемых в международных базах:

1. Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar’s Suspension from Magisterial Functions in 62 B.C. // Mnemosyne. 2017. Vol. 70/6. P. 977–995.

2. Frolov R.M. Ayelet Haimson Lushkov, Magistracy and the Historiography of the Roman Republic: Politics in Prose, Cambridge, Cambridge University Press, 2015 // Latomus. 2017. Vol. 76/4. P. 1120–1123.

3. Frolov R.M. From *privatus* to *magistratus*: The Political Initiative and the Alleged *ius edicendi* of Magistrates-Elect in Republican Rome // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 2018. Bd. 67/2. S. 128–159.

4. Frolov R.M. Midway between Magistrates and *privati*? Cinna in 87 BCE // Athenaeum. Studi di Letteratura e Storia dell’ Antichità. 2019. Vol. 107/2. P.

424–455.

5. Frolov R.M. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: Promagistrates in Rome in 49 BC? // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. 2019. Vol. 73/1. P. 114–133.

6. Frolov R.M. *Omnes qvi svnt eivs ordinis a Pompeio evocantvr*: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // Classical Quarterly. 2020. Vol. 70/2. P. 707–716.

7. Frolov R M. The *privatus* Pompeius and Decision-Making in the City of Rome in Early 77 BCE // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2021. Vol. 57(1–2). P. 217–244.

8. Frolov R.M. Obstruction in Republican Rome – (F.) Görne Die Obstruktionen in Der Römischen Republik. (Historia Einzelschriften 264.) Pp. 333, Figs. Stuttgart: Franz Steiner, 2020 // Classical Review. 2021. Vol. 71(2). P. 485–487.

9. Frolov R.M. A Proconsul's Administration of Rome? The *curator annonae* Pompeius, *recensus*, and Public Meetings // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. 2022. Bd. 150/2. S. 190–210.

10. Frolov R.M. Lucan and Republican Promagistrates // Classical World. 2024. Vol. 117/3. P. 259–285.

11. Frolov R.M. The Triumvirate *rei publicae constituendae*, ἀντάρχοντες in an Inscription from Aphrodisias, and the Late Republican Promagistracy // Gerión. Revista de Historia Antigua. 2024. Vol. 42/1. P. 57–79.

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Парфёнова Виктора Николаевича**, доктора исторических наук, профессора кафедры Церковной истории Саратовской православной духовной семинарии. В отзыве указаны следующие замечания:

1. Структура работы вызывает вопросы, хотя бы с чисто внешней стороны. Главы 3 (176 с.), 4 (295 с.), 5 (157 с.) по своему объему скорее соответствуют монографиям, да и введение (125 с.) с заключением (45 с.)

выглядят впечатляюще. На этом фоне более скромно выглядят главы 1 (44 с.) и 2 (92 с.), из которых только первая соответствует представлению об обычном размере главы квалификационной работы. Разумеется, автор волен расположить материал собственного исследования по своему усмотрению, но, полагаю, это всё же следует обосновать, хотя бы в процессе защиты диссертации. Введение диссертации полностью отвечает своему назначению, однако выглядит гипертрофированным по размеру. Представляется, что обзор источников и историографии (с. 29–93) вполне можно было выделить в отдельную главу, едва ли это повредило бы целостному впечатлению об этой важной части диссертационного исследования. Кроме того, интересно, что, если для обоснования актуальности темы потребовалось 19 страниц (с. 6–25), по сравнению с одной страницей автореферата (с. 3) то изложение научной новизны работы заняло в диссертации всего две страницы (с. 119–120).

2. В параграфе, где речь идет об эдикте Тиберия, ошибочно указывается на 8 г. н.э. вместо 8 г. до н.э. В данном случае эта «мелочь» немаловажна. Необходимо учитывать конкретные обстоятельства. В 7 г. до н.э. консулы-суффекты не назначались, Тиберий со своим коллегой Гн. Кальпурнием Пизоном занимали должность весь календарный год. Однако находиться всё это время в столице Тиберий не мог, поскольку должен был командовать войсками в Германии и действительно отправился туда во время своего консулата. Указанный Кассием Дионом эдикт, если он имел место, едва ли относился к imperium militiae Тиберия, времена были уже другие и военная сфера принадлежала, выражаясь языком Тацита, к arcana imperii. Но, так как второй консул оставался в столице, предполагаемый эдикт вполне мог содержать поручения коллеге, из сферы imperium domi Тиберия, поскольку сам империй представлял собой высшую и неделимую распорядительную власть. Р.М. Фролов завершает рассмотрение этого сюжета следующим выводом: «Остается заключить, что десигнаты обращались с неофициальными просьбами, а не рассылали обязательные к исполнению эдикты, неважно, с отложенным действием или вступившие в силу немедленно» (с. 241). Это

заключение представляется слишком категоричным, поскольку в данном случае отсутствие в источниках достаточной информации может объясняться состоянием самих источников, так что здесь argumentum e silentio – всё же не самый сильный довод.

3. В некоторых случаях Р.М. Фролов придает слишком большое значение формально-юридической стороне дела, что, конечно, объясняется спецификой темы исследования. Однако, например, в период хронологического зазора между первым и вторым пятилетием триумвирата Октавиан и Антоний столь откровенно пренебрегали формальностями потому, что опирались на вооруженную силу, противопоставить которую их оппонентам было нечего. Поэтому даже носители верховной власти едва ли считали себя «бывшими триумвирами», как выразился диссертант. Если рассуждать формально, то можно согласиться с Р.М. Фроловым, что, коль скоро Октавиан и Антоний между первым и вторым пятилетием триумвирата обладали проконсульским империем, который в этом промежутке времени обеспечивал им необходимый объём властных полномочий, и могли обеспечить консулат своим сторонникам, то чрезвычайная власть триумвиров была им не столь уж необходима. Однако уже по политической принадлежности обладателей консульской должности в период, так сказать, interregnum (до встречи Антония и Октавиана в Таренте и заключенного там соглашения) можно видеть, что Антоний никак не мог позволить себе даже временно отказаться от чрезвычайных полномочий триумвира, а если это так, то и Октавиану не было никакого расчета ставить себя в проигрышное по сравнению с соперником политическое положение, оставляя за собой лишь проконсульский империй и рассчитывая, кроме того, только на формальных носителей верховной власти, то есть консулов 37 г. до н.э., полномочия которых были жестко ограничены определенным сроком.

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Сморчкова Андрея Михайловича**, доктора исторических наук, профессора кафедры истории древнего мира Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». В отзыве указаны следующие замечания:

1. Особое внимание во Введении автор резонно уделил проблемам методологии. К ним он неоднократно обращается и за пределами соответствующего раздела, в частности, в разделе «Актуальность темы исследования» особо оговаривает, что затрагивает здесь и вопросы методологии (с. 23). Представляется, что такое смешение разделов не является обоснованным и необходимым.

2. В источниковедческом разделе автор выделяет вопросы, по которым тот или иной автор предоставляет сведения. Но при этом в тени оказываются общие характеристики источников, в частности, с точки зрения погруженности их авторов в политический процесс – например, несомненно важно отметить, что Цицерон был действующим политиком в отличие от «кабинетного ученого» Ливия. Причем в источниковедческом разделе автор переходит уже к исследовательской тематике (с. 44-47), что явно излишне. И в историографическом разделе автор нередко сбивается на дискуссию по частным вопросам, хотя сам справедливо замечает в начале этого раздела, что «подробный историографический обзор изучения отдельных переходных статусов между privati и magistratus, последовательный анализ которых составляет основное содержание данного диссертационного исследования, имеет смысл приводить непосредственно в главах основной части» (с. 49), а здесь необходимо обозначить основные вехи изучения каждого блока (с. 49-50).

3. Во Введении автор оговаривает, что выводит за рамки своего исследования римское жречество, с чем нельзя не согласиться. Действительно, политическая и сакральная власть в Римской республике представляли собой принципиально разные сферы: даже ауспиции жрецов и магистратов не мешали друг другу. Но все же автор высказывает «мысль о полезности рассмотрения положения публичных жрецов как в некотором смысле

«промежуточного» между privati и magistratus» (с. 117). Однако лишь в положении верховного понтифика в историографии усматривают некоторые магистратские черты, начиная с Т. Моммзена, но и это далеко не общепризнано.

4. В связи с вопросом о наличии определенного сходства между магистратами-десигнатами и действующими магистратами следует отметить, что Л. Постумий Альбин, так и не вступивший в должность консула, не обозначен в фастах как designatus, в них указано, что он погиб до вступления в должность (CIL. I. Ed. 2. Pars 1. P. 23).

5. Нельзя согласиться с трактовкой назначения консулом-суффектом Л. Корнелия Мерулы как удачного политического хода. Мерула был фламином Юпитера, на которого распространялись несколько десятков религиозных ограничений.

6. Есть замечание к переводу отрывка из сочинения Цезаря «Гражданская война» (с. 652). Автор указал, что использует издание А. Клотца. В нем завершающее фразу в параграфе 6 сказуемое поставлено в конъюнктиве (exeant), а Р.М. Фролов переводит изъявительным наклонением, что соответствует изданию Дж. Хендерсона (exeunt). Одна буква довольно серьезно меняет смысл фразы: в первом случае сказуемое в конъюнктиве должно зависеть от союза ut, и это значит, что критикуемые Цезарем лица (преторы или претории) не только куриатный закон о своем империи не провели, но и не совершили необходимых обрядов при выступлении на войну, а во втором, где сказуемое оказывается в независимом предложении, нарушение касается только куриатного закона.

7. В диссертации довольно много цитат на латинском и древнегреческом языках без перевода. Все же перевод является авторской интерпретацией текста, которую не следует оставлять на усмотрение читателя.

8. Желательны ссылки в подтверждение весьма важного наблюдения: «Как следует из других частей сочинения Кассия Диона, с его точки зрения проблема, с которой столкнулась Республика, заключалась не в том, что некие

военные вожди пытались подменить собой республиканских магистратов, а в том, что этого стремились достичь именно промагистраты» (с. 864).

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Абрамзона Михаила Григорьевича**, доктора исторических наук, директора НИИ исторической антропологии и филологии, профессора кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». В отзыве указаны следующие замечания:

1. Историографический обзор, представленный диссертантом во введении, далеко не полон. В последующих главах диссертации фигурирует гораздо более обширный массив исследований, чем упомянутые во введении. Представляется, что было логично расширить эту важную часть диссертации.

2. В первой главе, рассматривая ряд отобранных им релевантных эпизодов, автор, на наш взгляд, не объясняет четко критерии выбора тех или иных сюжетов, которые вошли в нее. Два из трех параграфов рассматриваемого раздела адресуют к событиям истории ранней Республики, тогда как основной материал для последующих глав почерпнут диссертантом из времен, главным образом, поздней Республики. Возникает вопрос о том, чем может объясняться данная ситуация.

3. В четвертой главе, постулируя важный вывод о том, что промагистраты в строгом публично-правовом смысле относились все же к категории privati, Р.М. Фролов, однако, не выразил однозначно свое мнение по поводу характера империя римских магистратов: являлся ли империй только военной властью или всегда оставался потенциально применимым к сфере domi. Этот момент важен для понимания специфики власти промагистратов и механизмов их вмешательства в сферу domi. Как представляется, диссертант сам не вполне уверен, какой вариант предпочтительнее.

4. Заметно, что диссертация Р.М. Фролова характеризуется различной детализацией рассмотрения отдельных сюжетов и многочисленными

повторами. Это неизбежно усложняет восприятие. Часто повторяются уже сделанные выводы. Различия в степени детализации обсуждаемых эпизодов вызывают больше замечаний. Так, например, пятая глава (самая обширная) сводится к анализу лишь одного относительно небольшого сюжета. Автору следовало бы подумать и над сокращением изложения предшествующей дискуссии по поводу триумвирата для более гармоничного выстраивания собственного текста. Соискатель вносит в подстрочные примечания дополнительные подробности, которые препятствовали бы пониманию сути исследовательских споров; это неизбежно усложняет сами примечания. Включение обширного историографического экскурса действительно несколько сбивает общий темп изложения.

5. Автор называет золотую монету «ауреем», однако правильнее использовать общепринятый термин «ауреус».

Положительный отзыв на автореферат **Барышникова Антона Ералыевича**, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Древнего мира Института Восточных культур и античности ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». В отзыве замечаний не указано. Высказывается пожелание о подготовке по материалам диссертации научно-популярного издания.

Положительный отзыв на автореферат **Болгова Николая Николаевича**, профессора, доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв на автореферат **Габелко Олега Леонидовича**, профессора, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». В отзыве отмечается, что необходимо в дальнейшей работе учесть две статьи А.В. Коптева и А.В. Короленкова о privati cum imperio.

Положительный отзыв на автореферат **Квашнина Владимира**

Александровича, доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории и мировой политики ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». В качестве замечаний и пожеланий указано следующее: 1. Тезис о полной невозможности пересечения померия проконсулами до середины I в. до н.э. требует осторожности ввиду крайней скудости источниковой базы для III–II вв. до н.э. 2. Требует уточнения употребление автором термина edictum perpetuum при рассмотрении случая претора-десигната Верреса в 75 г. до н.э. 3. Определенные сомнения вызывает целесообразность вынесения диссертантом на обсуждение большого числа положений выполненной им работы.

Положительный отзыв на автореферат **Любимовой Ольги Владимировны**, кандидата исторических наук, независимого исследователя. В качестве замечаний и пожеланий указано следующее: 1. Возникает вопрос о том, какова структура созданных в ходе работы над диссертацией баз данных. 2. При анализе политической роли privati уместно было бы также рассмотреть случай Сципиона Назики, подавившего в 133 г. до н.э. движение Тиберия Гракха. 3. Не вполне ясны причины выведения за рамки работы вопроса о роли десигнатов в сенатских заседаниях. 4. Полезно было бы уточнить, как стало технически возможным избрание в 87 г. до н.э. консула-суффекта вместо Цинны, отстраненного от консульских обязанностей.

Положительный отзыв на автореферат **Таривердиевой Сабины Эльмар кызы**, кандидата исторических наук, независимого исследователя. В отзыве замечаний не указано. Высказывается пожелание о том, чтобы в дальнейшей работе был рассмотрен ряд вопросов по поводу значения неформальной политической инициативы в Римской республике, в частности, вопрос о том, как соотносились между собой неформальная политическая инициатива и полномочия, которые магистраты получали при помощи senatus consultum ultimum.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их высоким профессионализмом и компетентностью в

соответствующих областях науки, наличием у оппонентов и сотрудников ведущей организации публикаций по тематике диссертации в рецензируемых журналах за последние пять лет.

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» является одним из ведущих научных центров по изучению античной истории, на базе университета в течение более 90 лет существует кафедра истории древнего мира.

Официальный оппонент **Парфёнов Виктор Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории политической системы, идеологии, военного дела античного Рима в эпоху поздней Республики и ранней Империи. Официальный оппонент **Сморчков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, исследователь древнеримской религии, права и политического устройства римской гражданской общины. Официальный оппонент **Абрамзон Михаил Григорьевич**, доктор исторических наук, специалист в области античной нумизматики, идеологии политической власти в Риме.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

– обосновано введение понятия «переходные статусы римских граждан» в качестве ключевого элемента категориального аппарата. Под их носителями понимаются лица, выступавшие в период Республики политическими акторами, которых источники однозначно причисляют к privati либо magistratus (в дихотомии публичного права), но описывают их деятельность как характерную скорее для лиц противоположного статуса. К носителям переходных статусов отнесены политически активные магистраты-десигнаты, магистраты, временно отстраненные от исполнения должностных обязанностей, и промагистраты, действовавшие в сфере domi.

– сделан вывод о том, что античная традиция эпохи поздней Республики

и ранней Империи в кризисных обстоятельствах признавала допустимой самостоятельную политическую инициативу privati, не относившихся к числу десигнатов и промагистратов, и описывала ее при помощи терминологии, уподоблявшей частных лиц и их действия магистратам и некоторым их актам.

– аргументирован вывод о том, что магистраты-десигнаты не обладали ius edicendi и защитой от судебного преследования(в противоположность должностным лицам), поэтому, имея промежуточный статус, в указанных отношениях не отличались от иных представителей правовой категории privati. Их активность, напоминающая деятельность магистратов, была связана с проявлением неформальной инициативы.

– установлено, что некоторые консулы-десигнаты успешно конкурировали с действующими консулами вне заседаний сената. В таких случаях античные авторы прямо или косвенно подчеркивают, что десигнаты выступают подобно консулам или вместо них. Условием такой активности designati являлась политическая пассивность действующих магистратов либо их отсутствие в Риме. Античные авторы описывают распоряжения десигнатов словами edictum et litterae, grammata, vetare и другой «легитимирующей» терминологией.

– определено, что применение античными авторами «легитимирующей» терминологии не зависело от политической оценки ими того или иного десигната. Уподобление десигнатов действующим магистратам наблюдается во всех эпизодах, в которых десигнаты выступают с политической инициативой, обычно характерной для магистратов.

– показано, что способность десигнатов играть активную самостоятельную политическую роль базировалась, прежде всего, на умении инструментализировать ожидания их скорого вступления в должность и включала такие механизмы, как обещания ввести изменения в будущие распоряжения, угрозы применить против отдельных лиц власть магистрата после вступления в должность, выступления на contiones вместо магистрата и др. Вместе с тем, ожидания смены публично-правового статуса могли

ограничивать свободу политического выбора для десигнатов, чем пользовались их соперники.

– доказано, что, в отличие от добровольной или вынужденной абдикации и аброгации пророгированного или делегированного империя промагистрата, аброгация магистратуры или плебейского трибуната (лишение этих должностей без согласия их носителей, по решению комиций) в Римской республике не практиковалась за исключением единичных случаев. Для блокирования реализации магистратом его полномочий применялись не только интерцессия или арест, но и временное отстранение от должностных обязанностей. Публично-правовой статус магистрата при этом не менялся.

– установлено, что в кратких нарративах для обозначения отстранения от должности может употребляться термин abrogare/abrogatio, однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает возможность того, что имело место лишение должности. Такая терминология, будучи с правовой точки зрения неточной, тем не менее, отражает понимание античными наблюдателями отстранения магистратов как акта, фактически низводившего последних на положение privati.

– сделан вывод о том, что греческие авторы поясняют своей аудитории существование в римской политической практике возможности сохранения статуса magistratus при лишении провинции (сферы деятельности) и утрате способности активно влиять на ход политического процесса. В римском восприятии временное отстранение от должностных обязанностей не требовало комментария, следовательно, оно было глубоко укоренившимся компонентом политической культуры римской civitas эпохи Республики.

– установлено, что отстранение от должностных обязанностей обычно описывается в источниках как совместный акт сената и высших магистратов, который обеспечивался легальными средствами одномоментного применения (например, повторяющимися актами интерцессии со стороны высшего магистрата) и дополнялся различными средствами экстра-легального принуждения. Такого рода отстранение от власти формально не означало

потерю или умаление магистратской власти. Маркерами этой ситуации являются сведения о физическом удалении или вытеснении магистрата из политически значимых публичных пространств civitas, установление наблюдения за магистратом, призыв к гражданам воздержаться от обращения с запросами к магистрату как носителю публичной власти, умаление внешнего достоинства и изменение облика носителя магистратской власти, передача провинции магистрата его коллеге.

– определено, что отстранение от должностных обязанностей не игнорировалось, а признавалось самим отстраняемым магистратом как политическая реальность. Оно потенциально являлось временным и обратимым. Для его преодоления необходимы были инициатива сторонников, повторное неформальное подтверждение авторитета магистрата со стороны гражданского коллектива и со стороны тех акторов, которые инициировали отстранение. Свидетельствами восстановления положения ранее отстраненного магистрата являлись постановления сената, заявления в contiones, появление магистрата в публичных пространствах, демонстрация восстановленных инсигний, возвращение магистрата к реализации своих обычных обязанностей, нормализация личной коммуникации членов элиты.

– аргументирован вывод о том, что во всех известных случаях отстранения от должностных обязанностей наблюдается утрата способности к политической инициативе, при описании чего в источниках всегда заметно прямое или косвенное уподобление отстраненного магистрата privatus. В этом отношении ситуация оказывалась обратной случаям магистратов-десигнатов.

– сделано заключение о том, что практика отстранения от исполнения должностных обязанностей позволяла уклониться от прямого формального нарушения принципа воплощения суверенитета римского народа в фигуре избранного им магистрата, поскольку сам статус magistratus оставался неприкосновенным. Потребность в такого рода инструментах являлась объективным следствием усложнения и ускорения динамики политической жизни в конце Республики. Отстранение от должностных обязанностей можно

также интерпретировать как маркер глубокого политического конфликта.

– установлено, что все промагистраты относились к правовой категории privati, но, в отличие от других privati, они являлись носителями публичной власти, и, в римской систематике они не составляли категории одного уровня с privati и magistratus. Подчеркнутый акцент на формальном статусе промагистратов как privati возникает в античной традиции только при появлении дополнительных причин, таких как необходимость критики вмешательства промагистратов в сферу domi. Это показывает исходное несоответствие статуса privatus роли промагистратов как должностных лиц, потенциально способных оказать влияние на все без исключения сферы политической жизни Республики.

– обоснован вывод о том, что примеры вмешательства промагистратов (проконсулов/пропреторов) в сферу domi известны почти исключительно для последних десятилетий существования Республики. Общим для всех них является акцент античных авторов на том, что промагистраты подменяли магистратов, причем констатация такой подмены (как с позитивной, так и с негативной ее оценкой) и сглаживание терминологического различения промагистратов и магистратов наблюдается в античных текстах тогда, когда промагистраты не просто совершали в сфере domi самостоятельные действия, но проявляли в ней политическую инициативу.

– выяснено, что способами вмешательства промагистратов в сферу domi являлись манипуляция магистратами для создания возможности выступить на официальной contio или в сенате с политически значимыми заявлениями, внесение и «продвижение» собственных предложений для разрешения политических проблем, находящихся вне сферы ответственности промагистрата, завуалированная угроза применения военной силы для давления на республиканские институты, организация неформальных собраний сенаторов ad urbem, «распоряжения» сенаторам и магистратам и др.

– показано, что, несмотря на огромное влияние некоторых проконсулов на политическую ситуацию в городе Риме, формально они оставались

критически зависимыми от сотрудничества с ними магистратов, плебейских трибунов, сената и других акторов, уполномоченных действовать в сфере domi. При этом источники не сообщают имена тех магистратов, которые, подчиняясь неформальному лидерству промагистратов, обеспечивали им условия для выступления в гражданских contiones и сенате. Это показывает восприятие античными авторами неформальной стороны политического процесса как относительно более значимой для данных ситуаций.

– определено, что в источниках не обнаруживается надежных случаев, когда промагистрат напрямую нарушил бы такие формальные ограничения, как запрет на пересечение городской границы Рима и отсутствие возможности самому официально созывать сенат, комиции и гражданские contiones. Критика одного промагистрата другим избегала прямых упреков в нарушении формальных ограничений власти промагистрата, но открыто подчеркивала узурпацию оппонентом контроля над неформальной инициативой, включая обвинения в применении манипуляций и угроз, нарушавших достоинство и свободу действий уполномоченных акторов сферы domi.

– выявлено, что параллельно развитию практики оказания промагистратами неформального влияния на сферу domi происходил процесс легализации отдельных поручений некоторым промагистратам в этой сфере, включая проведение собраний граждан с целью организации cura annonae, обеспечение безопасности города Рима, осуществление судебных полномочий вместо магистратов в городе.

– доказано, что по истечении магистратских полномочий триумвиры rei publicae constituendae оказались формально на положении проконсулов, однако регулярно вмешивались в сферу domi. После завершения триумвирата r.p.c. к началу 32 г. до н.э. действия Октавиана демонстрируют способность проконсула замещать консулов, в том числе в их роли председателей сената.

– сделан вывод о том, что описание в источниках неформальной политической инициативы некоторых носителей переходных статусов между privati и magistratus выступало в качестве альтернативного способа

характеристики политической ситуации наряду с описанием распределения формальных honores и potestates.

–аргументирован вывод, что ранний Принципат являлся системой, в рамках которой поменялась относительная значимость двух способов описания политической ситуации в источниках. Если для нарративов об эпохе Республики характерно превалирование указаний на распределение honores и potestates (с важными, но относительно редкими исключениями), то Принципат нормализовал обратную ситуацию, при которой любой магистрат, наоборот, был, как правило, лишен реальной политической инициативы, так как она контролировалась принцепсом, чаще остававшимся на положении (в республиканском смысле) privatus.

– показано, что в I в. до н.э. происходил процесс выработки римской civitas гибкого оперативного внеправового механизма реагирования на ситуации, в которых политическое лидерство, выраженное в формальном распределении honores и potestates, оказывалось неэффективным или признавалось угрожающим стабильности Республики. Успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли, опираясь на свой особый статус, в отдельных случаях компенсировать неспособность действующих магистратов осуществлять руководство римской гражданской общиной. Соответственно, действующие магистраты, поведение которых воспринималось как угрожавшее Республике, могли быть «нейтрализованы» без формального лишения должности или умаления достоинства занимаемой ими магистратуры.

– доказано, что неформальная политическая инициатива явилась «компенсаторным» механизмом, необходимым для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего. В эпоху Республики этот механизм на практике лишь дополнял существующую систему распределения формальных полномочий. Однако в дальнейшем он стал регулярным и был положен в основание режима раннего Принципата: уже

не как средство ad hoc компенсации недостатков республиканской конституции, а как способ перманентного обхода ограничений, которые система республиканских магистратур накладывала на принцепса.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке методологических подходов, общей концепции и понятийного аппарата (переходные статусы, компенсаторный механизм, политическая инициатива), позволяющих по-новому осветить государственно-правовые реалии и практики политического лидерства в классической и поздней Римской республике и обозначить важную перспективу для понимания роли республиканских традиций в становлении Принципата.

Значение результатов исследования для практики заключается, во-первых, в возможности использования и дальнейшего критического развития разработанной в его рамках методологии и методики для изучения иных ситуаций, в которых публично-правовой статус и неформальное политическое влияние составляли сложноразделимое единство. Такого рода сочетание можно обнаружить как в другие периоды истории самого античного Рима, так и в истории иных стадиально близких политических сообществ. Во-вторых, выводы о специфике неформальной инициативы в политической практике республиканского Рима, рассмотренной через призму переходных статусов между privati и magistratus, могут послужить одним из источников более глубокой разработки этой проблемы в социальных и политических науках.

Оценка достоверности результатов исследования выявила полное и корректное использование источников, непротиворечивую трактовку полученных фактов, адекватность избранных методов исследования использованным источникам, цели и задачам исследования.

Личный вклад соискателя состоит:

– в оригинальной постановке цели и задач исследования, а также новаторском подходе, при котором неформальные аспекты политической жизни и значимые элементы политической культуры (перформативно-ритуальное измерение политической жизни, средства самопрезентации, самолегитимации и

«самоконструирования» римского политического класса и др.) изучаются в тесной связи с анализом публично-правового регулирования в рамках этатического подхода к изучению политического устройства Римской республики;

– в привлечении широкого круга нарративных и эпиграфических источников, а также данных нумизматики и папирологии, систематизированных в виде электронных баз данных и тщательно проанализированных с учетом имеющихся разногласий исследователей по поводу рукописной традиции и интерпретации фрагментированных текстов;

– в создании первого обобщающего комплексного исследования роли граждан переходных статусов в Римской республике, в котором рассматривается политическое лидерство в ситуациях несоответствия публично-правового положения лидера его активным действиям;

– в разработке значимых теоретических положений диссертации, которые являются итогом самостоятельных научных изысканий, обладают внутренним единством и могут быть квалифицированы как научное достижение, так как в совокупности существенно уточняют современные представления о политическом лидерстве и развитии политической системы и политической культуры античного Рима в эпоху Республики и при переходе к Принципату;

– в высоком уровне апробации исследования, включающей выступления с докладами на представительных всероссийских и международных научных конференциях, подготовку четырех глав в коллективных монографиях, опубликованных в крупных мировых научных издательствах, 16 статей, опубликованных в ведущих российских рецензируемых журналах из Перечня ВАК, 11 англоязычных статей в ведущих мировых журналах, индексируемых в международных базах.

В ходе защиты диссертации были заданы следующие вопросы:

1. Велика ли была доля тех частных лиц, privati, которые неформально участвовали в общественной жизни Республики, при этом ни до, ни после не имели отношения к магистратуре? На чем держалось их влияние, если не на памяти об их вмешательстве?

2. В одном из выводов Вы указываете, что все промагистраты относились к privati и в силу этого являлись носителями публичной власти. Но некоторые сомнения возникают, насколько они были privati. Например, Помпей, когда накануне гражданской войны руководил провинцией в Испании, был промагистратом или действовал в силу своего единоличного консулата?

3. Насколько востребованы те базы данных, которые вы сделали? Какую роль они играют в развитии и этой темы, и в целом антиковедческих исследований?

Соискатель Фролов Роман Михайлович ответил на заданные ему в ходе заседания вопросы и привел собственную аргументацию.

На заседании 14 октября 2026 г. диссертационный совет принял решение за решение научной задачи, имеющей значение для развития исторической науки, и разработку теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, присудить Фролову Р.М. ученую степень доктора исторических наук, так как диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (ред. от 18.07.2026).

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 16 человек, из них по специальности рассматриваемой диссертации 8 докторов наук, участвовавших в заседании, из 24 человек, входящих в состав совета, проголосовал: за 16, против 0, недействительных бюллетеней 0.

Председатель диссертационного совета
д.и.н., профессор _____ А. В. Махлаюк

Ученый секретарь диссертационного совета
к.и.н., доцент _____ А. М. Абидулин
14 октября 2026 г.